

Мадам, не говорите о любви!

Михаил Звездинский изведал любви лет с пятнадцати. А теперь он говорит мне, что любит смотреть на звезды и слушать ночь...

Впрочем, в московской ночи сегодня трудно найти что-то притягательное. Зато за городом - в Соснах на Микулиной горе или в Барвихе - ночь волнует. Она как Вселенная, которая дарит целые симфонии звуков.

Но - скажете вы - Звездинский никогда не писал симфоний. Он посвящает свои песни женщинам и... белогвардейцам.

- У меня две музы - лирическая и ностальгическая. Песни белой гвардии для меня - как музыкальные иллюстрации к роману Булгакова. Но офицеры ведь сражались и умирали не за какое-то мифическое счастье, а за счастье своих возлюбленных, жен, сестер, матерей. Все лучшее, что я написал в жизни, посвящено женщинам.

- Откуда такая лиричность?

- Меня воспитали на высокой поэзии. Бабушка закончила институт благородных девиц, и я вышел к этим девицам из хорошей детской.

- Каким земным женщинам вы посвящаете свои песни?

- Вам нужны имена, фамилии, размеры бюста? У меня нет придуманных историй, и я ничего не сочинял по заказу. Я рассказываю о своих встречах, эпизодах из жизни. Мне не нужно выдумывать - мне всегда везло на умных и тонких дам.

- Тонких - в талии?

- Не только. И хотя я люблю осиные талии, еще больше меня привлекают возвышенные и утонченные натуры. Судьба «подарила» мне столько мук и гонений по жизни, что спастись от пессимизма и отчаяния можно было только с такими женщинами.

Драгоценная ты моя женщина

- И ни одна из возлюбленных не заставляла вас страдать?

- Нет. Когда завязывался очередной роман, я старался быть искренним и ни в коем случае не говорил безумных слов, чтобы добиться постели. Наверное, я старомоден в своей осторожности. «Я вас люблю!» - вырвалось у меня лишь од-

нажды, когда я увидел свою жену. Кажется, не ошибся. Пятнадцать лет в браке похожи на медовый месяц - после недолгой разлуки мы встречаемся, как в первый раз. Единственное, что ее не устраивает, так это моя вселенская любовь к женщинам: она-то знает, как я преклоняюсь перед красотой. Но во всех других случаях, кроме нее, до постельных тонов, до секса я всегда честно признавался: «Мне хорошо с тобой сейчас, но я не уверен, что так будет завтра. И как только мы почувствуем, что нам неуютно вместе, - мы должны будем расстаться».

- И они безропотно соглашались...

- Я не обманывал, и женщины отвечали мне тем же. Не было слез, истерик... Я говорю это о продолжительных любовных связях, а не об «одноразовых». Когда доводилось работать в одних программах с «Веселыми ребятами» или известными рок-группами, на служебном входе всегда ждала толпа поклонниц, грезящих о любви. Только успевай раздавать автографы, принимать цветы и сделать выбор: «Ты и ты - в автобус! Остальным - спасибо и до свиданья!». Сегодня девушки не те - «завалюченные», закомплексованные. Тогда же - и в Самаре, и в Москве нас встречали очаровательные барышни, которых не нужно было долго уговаривать и многого обещать. Моргни - и красotka уезжала кататься, даже не мучая себя пустой надеждой, что «поджидали» именно ее. Мне не случайно везло на женщин. Думаю, они чувствовали, что я готов снова и снова воспевать их элегантность и сексуальность.

- А любви не было...

- У меня была только одна настоящая любовь - к Ноне, моей жене. В 79-м меня пригласили исполнить несколько песен на выпускном вечере в МГУ, а она пела на английском в университетском квартете. В отличие от меня она была старостой, комсомолкой, активисткой. Но я быстро разрушил всю ее идейность. Она прозрела - после первой же поездки ко мне в лагерь. А между нашим знакомством и моим арестом прошло всего несколько месяцев.

Эх, мальчики! Да вы налетчики!

- ...Меня забрали утром 9 марта 80-го года. Всю ночь мы пели, гуляли и куражились в ресторане, а в семь утра налетела группа захвата. Я как чувствовал, не хотел выступать в ту ночь: знал ведь, что Москву будут чистить перед Олимпиадой. Но 7 марта к моему дому подкатил кортеж - машин двадцать, а в них прекрасные столичные дамы - певицы, актрисы. Они умоляли сделать для них вечер, который запомнился бы на всю жизнь. И я сдался. Не знаю, кому только этот вечер больше запомнился - мне или им. Это был первый и последний раз, когда я пострадал из-за женщин. Из моей квартиры вынесли все - от импортных шмоток до украшений работы Фаберже и дорогих картин. Я смог оставить лишь 30 тысяч рублей жене - на булавки. На эти деньги она меня поила и кормила все восемь лет лагерей...

«Поедем к Звездинскому!» - это был своеобразный пароль столичной богемы, когда после трудового дня хотелось погулять и расслабиться, а все центральные рестораны закрывались ровно в 23.00. Высоцкий, Абдулов и Крамаров, Жванецкий и Пугачева - не было такой знаменитости, которая хоть раз не провела бы ночь у Звездинского. Меня загородные кабаки, как женщины меняют перчатки, Михаил по праздникам нелегально пел до утра. Попасть на этот вечер было дорогим удовольствием (200 р.), но ведь запретный плод всегда сладок. А спонсировали такие бомондные тусовки... цеховики, валютчики и «утюги», чистившие улицу Горького или проспект Маркса. Теперь они же руководят коммерческими концернами или стали экспертами центральных банков.

Тогда ночь у Звездинского манила столичных штучек недосыгаемостью для простых смертных, риском быть застигнутым врасплох, возможностью оказаться среди своих и поговорить о любви...

Николь КАРТЬЕ.